

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.121.9.001

УДК 323.2

М.А. АСТВАЦАТУРОВА

доктор политических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Распределенного научного центра
межнациональных и религиозных проблем Института этнологии
и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая,
Россия, г. Пятигорск

НЕКОТОРЫЕ ЗАДАННЫЕ СМЫСЛЫ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ДОКТРИНАЛЬНОМ КОНСЕРВАТИВНО- ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОМ КОНТЕКСТЕ

Статья содержит анализ соотношений государственного и гражданского факторов в контексте консервативно-традиционалистского поворота политики и управления в современной РФ. Вскрываются детерминанты наметившегося правого вектора внутренней стратегии и тактики Российского государства, которые во многом являются ответом на современные внешние вызовы и риски. Выделяются потребности сохранения пространства публичной политики как одного из необходимых факторов эволюции демократии. Акцентируется проблема огосударствления институтов гражданского общества в общем форматировании публичной политики и трансформация субъектов гражданского общества в агентов интересов государства. Исследуются актуальные смыслы публичной политики, которые иницируются «сверху» государством и получают отклик «снизу» – от гражданского общества. Среди таких смыслов выделены: централизация власти в новом балансе упрочения безопасности и сохранения свободы; идентификации в политико-управленческой практике; политизация духовных, морально-нравственных категорий как императивов государственно-гражданских отношений, элевация этнического и религиозного сегмента публичной политики.

Ключевые слова: публичная политика, гражданское общество, правый поворот, консервативно-традиционалистская доктрина, патриотизм, этничность.

Вводные соображения. Современный российский общественно-политический и политико-управленческий процесс характеризуется выраженным консервативно-традиционалистским трендом – обращением к разумному консерватизму и к традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Он имеет глубокие детерминанты, обусловленные обновлением базовых начал российской внешней и внутренней политики, которое осуществляется с начала 2010-х гг. и которое выражается в ряде заметных политических и управленческих новаций. Не перечисляя общеизвестные инициативы федерального

центра, отметим, что они осуществляются в парадигме централизации и вертикализации. Это актуализирует **сохранение пространства публичной политики и активность гражданско-инициативных субъектов, акторов и агентов**, повестка которых все в большей степени становится государственно-патриотической и даже государственно-бюрократической.

Суверенитет России как государства и гражданской нации получает новые экономические, политические и геополитические основания, которые проецируются не только в национальную безопасность РФ. Сегодня все явственнее трактуется миссия РФ по достижению справедливого миропорядка и противостоянию глобализму в его современных моделях. В этой связи, подчеркивает О.В. Гаман-Голутвина, предстоит **«содержательное переосмысление картины мира и переориентация мышления как преимущественно потребительского – на политику ответственности и ответственного развития...»** [1. С. 189]. Сущностно-смысловой и институционально-структурный каркас России как демократического, правового, социального государства предусматривает акцентирование **собственно российского культурного кода как комплекса историчности, соборности, имперскости, коллективизма, а также благодати, духовности и нравственности**. Эти свойства, имеющие весьма сложное, умозрительное и даже абстрактное значение, подверглись, как отмечают Г.Ф. Горбунов и Е.А. Окладникова рискованной «неолиберальной трансформации» [2. С. 63-76]. Однако сегодня они переживают смысловую реабилитацию и все интенсивнее включаются в публичную политику.

Проблема институциональной, процессуальной и технологической эволюции современной российской публичной политики заслуживает аналитического внимания, обусловленного разрастанием фактора государства и института государственности и соответственного огосударствления гражданского сектора [14. С. 59-62]. В то же время сохранность публичной политики заложена в ее определенной всеобщности и универсальности, а также в ее доступности не только политическому классу и политическим элитам, но и широкому кругу **общественных активистов – общественных политиков, лидеров общественного мнения, неформальных лидеров сообществ**. Перспективность публичной политики, как отмечает И.В. Мирошниченко, обеспечивается тем, что публичная политика **«...становится продуктом, вырабатываемым в совместной деятельности власти и общества на принципе диалога...»** [5. С. 315].

Смыслы публичной политики приобретают новое значение в условиях «большой игры», в которой, как указывает В.А. Литвиненко, Россия продвигает «Русский цивилизационный проект» [4]. РФ преодолевает множество обстоятельств, среди которых представляется возможным выделить:

- кризис устоявшейся биполярной послевоенной системы и обострение конкуренции стран за достижение новых позиций в трансформации мироустройства (США и ЕС, США и Иран, Израиль и Палестина, Израиль и Иран, Армения и Азербайджан, Россия и Грузия, Россия и Украина, Россия и «недружественные страны» и др.);

- кризис международных соглашений и противоречия между прежними партнерами межгосударственных союзов по поводу жизнеспособности и перспектив современных политических систем и режимов, а также экономических, социальных, экологических дефицитов (Всемирная торговая организация, Организация стран-экспортеров нефти, МВФ, Всемирный банк, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным, религиозным и языковым меньшинствам, Парижское соглашение по климату, Декларация РИО, Венская конвенция о защите озонового слоя и др.);

- исчерпание императивных, организационных, миротворческих ресурсов международных площадок и платформ международного урегулирования и согласования (ООН; Совет по правам человека ООН, ОБСЕ, ЕС, СНГ; Всемирный Совет мира, Международная Ассоциация породненных городов, Всемирная организация здравоохранения и др.) и формирование новых платформ экономического, социокультурного сотрудничества, а также и геополитического диалога (БРИГС, ОДКБ, ШОС; НАФТА, ОИС и др.);

- противостояние внутренних политических сил в государствах в связи с политической борьбой консерваторов и демократов, правых и левых, противостоянием стратегий общества, власти, общественных организаций, в связи с дискриминацией политических, национальных, религиозных меньшинств, что наблюдается во множестве стран;

- дезориентация политических партий и движений, маневрирующих между идеологическими догмами и идейно-мировоззренческими учениями, практикующих доктринальное штрейкбрехерство в отрыве от своих социальных заказчиков и электората.

Угрожающими остаются: элевирование конфликтных ситуаций и манифестных конфликтов, а также масштабирование национальных вопросов с выраженным этнотерриториальным, этноконфессиональным компонентами; проявления системного экстремизма и терроризма как радикальных идейно-мировоззренческих, организационно-деятельностных практик; нарастание анти-гуманизма, социальных девиаций, ксенофобии, национализма, неофашизма, нео-расизма, новых классово-стратных, а также властно-гражданских противоречий.

Эти и иные рассогласования приобретают формы гибридных войн, вооруженных конфликтов, экономических экспансий, борьбы элит, фейковых атак, «культурных отмен», которые иллюстрируют давнюю, но не теряющую своей актуальности тенденцию. Под таковой мы имеем в виду приобретение конфликтами цивилизаций, международными, межнациональными, а также политическими и всякими иными конфликтами **идентификационного характера с выраженными экзистенциальными смыслами**. Известные идеи о конфликте цивилизаций сегодня диверсифицируются в противоречиях политизированных идентичностей нового уровня с множеством новых носителей. Повсеместно в политических и геополитических кейсах в общем реестре политических процессов и технологий, политических сетей и проектов выделяются не только институтированные, но и многие локальные идентификационные кейсы

с широким дифферендом субъективных атрибуций. В планетарном политикуме все более рельефно фиксируются этнические, конфессиональные, ментальные, гендерные, профессиональные, поколенческие, досуговые интересы, а также интересы частного разряда – региональных и местных сообществ и потребности локальных социальных периферий. Это, как отмечает И.С. Семененко, побуждает к проведению политики идентичности и исследованию нематериального ресурса идентичности в обеспечении общественного развития [11. С. 18-25].

Основное содержание. Централизация власти в новом балансе упрочения безопасности и сохранения свободы. Современные вызовы и риски (гибридные войны, конфликты, ядерная угроза, мигрантские потоки, социальные инциденты, культурная экспансия, фейковые атаки, а также и множественные социальные девиации) воздействуют на смысловое поле публичной политики. Как показывают политическая реальность и политологическая аналитика современные кризисные явления провоцируют новые общественные ожидания сильной, авторитетной власти. Граждане ждут от власти достоверных политических и управленческих решений, которые обеспечили бы стабильность, мир, согласие, развитие, благополучие. Люди стремятся обрести защиту от экономических и от политических кризисов, от экологических и климатических катастроф, от пандемий и др. Нестабильность и глобальные проблемы современности провоцируют массы к поиску «сильной руки», к реализации авторитарной власти. Именно на эффективную, справедливую и даже военизированную власть, применяемую для защиты от терроризма, экстремизма, национализма, вандализма, рассчитывает население. При этом допускается снижение уровня демократии и превышение полномочий чиновников, силовых структур. ***В публичной политике четко проявляется общественное тяготение к усилению государств и сильных (авторитарных, неоимперских) режимов как гарантов законности, правопорядка, безопасности.***

Проблема оптимального соотношения свободы и безопасности рельефно проявляется в публичной политике тех государств и сообществ, которые подвергаются негативным или разрушительным воздействиям; которые вовлечены в конфликт; которые готовятся к войне, воюют или восстанавливаются после войны. Баланс между свободой и безопасностью – важнейший политический и в то же время экзистенциальный баланс любого сообщества [12]. Граждане под воздействием экономического, социального, политического негатива стремятся делегировать покрытие своих дефицитов государству. Как отмечает, О.В. Романовская, сервисные функции государства замещаются патронажными, которые простираются на все сферы жизни общества [9. С. 152-158]. Это осуществляется, в том числе, через ужесточение законодательства и основных законов государств, через усиление позиций силовых структур и соединений специального назначения, через ограничение прав и свобод. Применяются также введение режимов чрезвычайного положения, ограничения в правах, а также система антитеррористических мер и мероприятий, которые осуществляются как внутри стран, так и вовне (введение ограниченных контингентов войск, ведение специальных военных операций и др.). При этом «правеют» политико-управленческий

и общественно-политический дискурс, а также все информационно-коммуникативные платформы и в целом, все интернет-пространство. Часто, по мнению Д.С. Харченко «безопасность высушивает свободу». Глобальные эксцессы современности склоняют «сегодняшнее глобальное общество к обеспечению безопасности в убыток свободе». Однако в любом случае «...вопросы дихотомии свободы и безопасности неизбежно решаются в зависимости от социально-политической обстановки и должны динамично меняться вместе с ней» [13. С. 189].

Либерально-демократический, как, впрочем, и социалистический идейно-идеалистический теоретический посыл, который предусматривал отмирание государства и расширение сферы народного самоуправления, замену государства институтами гражданской самоорганизации через передачу полномочий, оказался сильно преувеличенным. Современный мировой процесс характеризуется не только усилением государств, но и усилением конкретных держателей власти, от решений которых зависит мировой порядок (В. Путин, Д. Трамп, Си-Цзин-Пин, Р.-Т. Эрдоган, Ким Чен Ин, Беньямин Нетаньяху и ряд других). Наметившийся правый поворот и правое позиционирование лидеров государств при всех возможных осложнениях и даже негативных следствиях могут быть оправданы встречным движением элит и масс. Они солидарны в понимании необходимости: с одной стороны, сохранения и упрочения политических систем и политических режимов; с другой стороны, обеспечения прав и жизненных интересов граждан.

В РФ централизация власти и усиление присутствия федерального центра в регионах осуществляется последовательно с 2010-х гг. и выражается в ряде организационно-бюрократических мероприятий. В их числе стоит назвать создание федеральных округов и Государственного Совета в 2000 г., проведение в несколько этапов административной реформы, преобразование федеративных отношений с уточнением правовых норм разделения полномочий и предметов ведения между центром и субъектами при сужении уровня их суверенитета, проведение реформы местного самоуправления и др.

Важнейшими основаниями для централизации, вертикализации и персонификации власти стали события 2014 г. – признание Россией независимости Республики Крым и принятие ее и г. Севастополя в состав РФ на правах новых субъектов. Голосование за поправки в Конституцию РФ 2020 г., несмотря на их дискретный характер, отразило массовое участие граждан в публичной политике через доверие населения государству в лице главы РФ. Поддержка действующего Президента РФ как национального лидера, который, собственно, и инициировал изменения многих статей Основного закона РФ – убедительное подтверждение **интуитивного участия в публичной политике** большинства участников голосования. Предположим, что решающим аргументом для тех, кто поддержал синкретичный пакет поправок, стала легитимация возможности действующего Президента РФ оставаться на своем посту в качестве гаранта. Личность действующего главы государства отождествляется большинством граждан, прежде всего, с безопасностью,

стабильностью, суверенитетом РФ в условиях рисков, актуальность которых далеко не исчерпана.

Государство существенно усилило правовую базу борьбы с терроризмом, экстремизмом, а также с опасными социальными девиациями. Государство защищает не только границы, территорию, ресурсы, экономический комплекс, бизнес, жизнь и имущество граждан, но и политическую систему и публичную политику. Многие усилия власти направлены на предохранение политического участия, политического выбора россиян, их включения в публичную политику от воздействия «цветных факторов». Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» 26.02.2006 г. многократно дополнялся в соответствии с потребностями времени. Ведется федеральный список организаций, в том числе, иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими. Также принят новый национальный ГОСТ Р 71917-2024 «**Антитеррористическая защищенность. Мероприятия и решения по обеспечению антитеррористической защищенности объектов. Общие положения**», разрабатываются паспорта антитеррористической защищенности объектов, повышается эффективность антитеррористических комиссий в регионах и на местах. С 2012 г. государство, защищаясь от возможных идеологических и политических ущербов, применяет статус иноагентов в отношении организаций и физических лиц, находящихся под финансовым, идеологическим, управленческим зарубежным влиянием [4. С. 97-121]. Иноагенты должны функционировать в определенном регламенте, который ужесточается и контроль за соблюдением которого осуществляет Министерство юстиции РФ. В последние годы РФ как социальное государство стремится защитить социальный мир, который «находится под угрозой оспаривания», что отмечает Д.С. Миц [6. С. 126-127].

В публичной политике **дискурс безопасности и стабильности стал более значимым, чем дискурс демократии и прав человека, идейно-идеологического разнообразия, многопартийности, диверсификации гражданского общества, креативного класса и др.** Ухудшение отношений со странами коллективного Запада и с США, ведение РФ специальной военной операции на Украине, признание Россией суверенитета Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей и принятие их в состав РФ как вновь образованных субъектов актуализировали **новые смыслы публичной политики как суверенно-российские, российско-цивилизационные, властно-государственные.** Большинство российских граждан поддерживают **российскую суверенность и цивилизационность как факторы противостояния недружественному окружению.**

Политизация духовных, морально-нравственных категорий как императивов **государственно-гражданских отношений.** Обращение российского политического класса и управленцев к духовности, морали, нравственности не стоит считать случайным. Проблемные ситуации в частых случаях детерминируют стремление власти вскрыть новые резервы консолидации общества, а также общества и государства. В **экзистенциальных комплексах наций,**

народов скрыты существенные резервы, которые способны в тяжелых, даже фатальных ситуациях концентрироваться в «дубину народной войны», «народного гнева», «народной силы» и спасать государство.

В доктринальном и технологическом плане акцентирование политиками и управленцами традиционных российских культурных, духовных ценностей, является откликом на программные идеи Президента РФ В. Путина, который с 2012 г. активизирует традиционные историко-культурные, начала российской цивилизации – «наши ценности» – не только в плане их самоценности, но и в плане их воздействия на мировой процесс [15]. Публичная политика в России приобретает духовно-нравственные смыслы, которые в Российской империи были основаны на религии и вере, а в Советском Союзе на коммунистической атеистической идеологии. На современном этапе **традиционные российские духовно-нравственные ценности постулируются как историко-культурный и идейно-мировоззренческий барьер от чуждого внешнего влияния.**

Закономерным заданным «сверху» смыслом публичной политики в контексте консервативно-традиционалистской политической доктрины является патриотизм как национальная идея, которая активно имплементируется в настроения, ожидания общества. **Патриотизм как морально-нравственный феномен приобретает все большую идеологическую и политическую атрибуцию и предлагается обществу, и осознается обществом как новейшая российская идеология, как гражданско-политический институт, побуждающий к формированию патриотического сознания и осуществлению патриотических действий.** Патриотизм становится организующим институциональным смысловым стержнем российской публичной политики, в которой в нарастающем темпе акцентируется собственно российский и более того – русский проект. Он предлагается миру как альтернатива искажениям демократии, а также неофашизму, неонацизму, новой буржуазности, консюмеризму, демонстративному потреблению, цинизму, анти-человечности. **Патриотизм акцентируется не только как любовь и верность Родине, но и как готовность к существенным ограничениям и потерям ради ее независимости и величия.**

Морализацию и наполнение публичных политических действий нравственным содержанием, как и причины политико-управленческого увлечения традиционными духовно-нравственными ценностями мы во многом оцениваем как политическую технологию. Сегодня она присутствует в тактиках многих политиков, как профессиональных, так и общественных – гражданских активистов и визионеров. Обращение в публичном политическом поле к историческим, культурным, нравственным и моральным ценностям «очеловечивает» политическую ортодоксию, сглаживает острые углы политического вождизма.

Как показывает российская практика, **в сложные и кризисные периоды государственно-гражданской жизни, власть в агитационно-пропагандистском порядке апеллирует к духовным, эмоциональным началам и чувствительным жизненным потребностям общества** – внимание к обществу, интерес к проблемам, восстановление справедливости в отношении групп и конкретных

людей. Это, в частности: забота о детях и стариках, сбережение памяти о павших, сохранение родной земли, родной культуры, родного языка, помощь пенсионерам и инвалидам. С 2022 г – это забота о бойцах СВО и об их семьях и детях, что задается «сверху» и поддерживается «снизу» как главное направление консолидации государства и общества (программа «Время героев» федерального уровня и ее региональные аналоги). **Фактор СВО стал индикатором, проявляющим степень лояльности гражданина к политической системе, которая в публичной политике отождествляется со степенью патриотизма. Вопрос «что ты сделал для СВО?» в 2022-2025 гг. приобрел политико-селективный пафос, аналогичный пафосу вопроса «чей Крым?» в 2014 г.**

Российская публичная политика «правает» через пропагандирование традиционных духовно-нравственных ценностей методами политических технологий. Геополитические риски побуждают руководство РФ к определению новых стратегических и тактических начал государственного и политического курса. С учетом современных задач России, которая стремится внести вклад в формирование нового – справедливого – миропорядка, определяются оптимальные принципы организации власти и управления. И если ранее государство находилось несколько в стороне от духовно-нравственной, экзистенциальной, иррационально-эмоциональной сфер организации жизни индивида и групп, то сегодня власть активизируется в освоении таких не правовых и не политических категорий, как бог, религия, память предков, идеалы, мораль, нравственность, совесть, духовность, всеобщее благо и т.д.

Культурное наследие народов России, общие традиционные духовно-нравственные ценности в 2020-2025 гг. зафиксированы не только в Конституции РФ, но и в указах Президента РФ, что нашло свое дальнейшее масштабное обоснование в публичной политике. Указ Президента РФ «**Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей**» от 09.11.2022 № 809 трансформировался в идейно-мировоззренческую программу всеобщей культурно-просветительской, образовательно-воспитательной, агитационно-пропагандистской работы на всех уровнях и во всех сегментах публичной политики.

Тем не менее, не стоит рассматривать «верхушечное» обращение к морали, нравственности и духовности только как политико-технологическую конъюнктуру. Публичная политика отражает консолидацию российского общества осуществляется на идейно-мировоззренческой консервативно-традиционалистской платформе, которая близка россиянам, и которая склоняется вправо. **Коллективное социальное кредо российских граждан складывается из таких свойств, как: коллективизм, взаимопомощь, способность к участию и сочувствию, правдоискательство, стремление к справедливости даже благодати.** Также к значимым свойствам россиян, которые составляют не только морально-нравственные, но и политические императивы «правого оттенка», относятся: уважение к власти и готовность к жертвам во имя укрепления государства; нелюбовь к чиновникам, но в то же время лояльность к чиновничьей некомпетентности и недобросовестности; равнодушие к прямому политическому

участию и негативное отношение к партиям, но в то же время высокое доверие Президенту РФ. В публичной политике рельефно появляются такие базовые смыслы, заданные «снизу», как приверженность малой Родине и родной земле, признание традиционных ролей мужчин и женщин, уважение семейных ценностей, солидарность поколений.

Элевация этнического и религиозного сегмента публичной идентификации в политико-управленческой практике. Консервативно-традиционалистский поворот российской публичной политики осуществляется через заметное властно-бюрократическое обращение к историко-культурным, духовным, нравственным началам устройства российского общества во всех его подсистемах. В них выделяются этнические и конфессиональные интересы, которые с уверенностью могут быть отнесены к базовым консервативным началам традиционного российского (а не только русского) полиэтнического и поликонфессионального мира. В публичной политике выделяются этническая и конфессиональная идентичности, которые, во-первых, имеют природную и экзистенциальную детерминацию; во-вторых, отражаются в общественном мнении как уважаемые и даже необходимые свойства индивида и группы.

В российском обществе, которое во многом можно характеризовать как традиционное, этническая и религиозная идентичность – важнейшие идентичности, отражающие соотношение индивида с народом, религией, семьей, фамилией, родом. Они формируются с рождения в семейно-родственной, соседской среде и пополняются в течение всей жизни. Они включают исторический, культурный, ментальный, а также мировоззренческий, морально-нравственный компоненты, которые имеют как рациональную, так и эмоциональную составляющую. Этнические и религиозные интересы проявляются на уровне индивида и на уровне групп в том качестве и в тех формах и методах, которые человек считает для себя приемлемыми. При этом этничность и религиозность невозможно навязать бюрократическими или тоталитарными методами, хотя Российское государство и в имперский, и в советский периоды неоднократно стремились бюрократизировать эту сферу жизнедеятельности человека.

В РФ отношения государства с этническими и с религиозными группами наследуют принципы, которые были реализованы в Российской империи как усилия по включению «иностранцев» в состав империи и как симфония государства и Русской православной церкви. В советский период предпринято множество усилий по национально-государственному, национально-территориальному и национально-культурному оформлению интересов народов страны, в том числе, «нацменов». В демократической России как в правовом, социальном, светском государстве вопрос этнической и религиозной идентичности – прерогатива личного выбора. **Модель отношений демократического, правового, социального и светского Российского государства и национально-культурных и религиозных институтов является кооперационной.** Смыслы публичной политики при формальной отрешенности этничности и религиозности от политики подтверждают, что этнокультурные,

религиозно-духовные потребности часто как порождаются политикой, так и проникают в политику.

Активизация этнического и религиозного самоопределения индивидов и групп продолжается с 90-х гг. XX в. в разных этапах и с разной интенсивностью, в том числе, и в формах этнического сепаратизма и религиозного экстремизма. Несмотря на то, что острый период противопоставления этнических проектов проекту российской гражданской нации остался позади, интерес к этническому самоопределению не ослабевает. Также отмечается определенное повышение интереса к религии, если не на уровне мировоззренческих вероучительных комплексов, то на уровне обрядности. Это происходит, вероятно, в общем тренде интереса к истории, культурному наследию и мифологии народов страны. Стремление, как осознанное, так и интуитивное к сохранению этнической и религиозной культуры в большой мере отвечает потребностям правого идейно-идеологического и политико-доктринального поворота, в силу очевидного консерватизма комплекса этничности и догматизма религии.

Закономерно, что политические меседжи государства в сторону национальных отношений, религиозных процессов, миграционных трендов, имеют консервативно-традиционалистское содержание, **Успех инкорпорирования консервативно-традиционалистской доктрины правого оттенка в публичную политику во многом зависит от успеха реализации этнических и религиозных интересов общества, от этнического и религиозного комфорта граждан в общем пространстве реализации их социальных и политических интересов.**

В то же время увлечение традиционными и консервативными подсистемами и постулирование их в публичной политике как важных и обязательных далеко неоднозначно. **В публичной политике более все более рельефным становится этнический дискурс как русский дискурс и религиозный дискурс как дискурс православный.** Это может провоцировать не только националистические вопросы, но и националистические ответы консерваторов, демократов, правых, левых, «белых», «красных», «зеленых», как указывает Э. Паин, которые монополизируют право на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей [8. С. 71-81]. Также, как резюмирует Н.П. Медведев, **«...государственная национальная политика без учета международного принципа прав и свобод граждан не может быть долгосрочной и успешной»** [7. С. 1722].

Публичная политика отражает отношения государства и этнических институтов, государства и религиозных институтов. Эти отношения строятся на масштабном комплексе правовых, политико-доктринальных, организационно-управленческих усилий. Без согласия государства и населяющих его народов, принадлежащих к разным культурным и религиозным конгломератам невозможно осуществлять государственные программы развития и обеспечить единство российского общества, необходимое на переломных вехах истории и политики.

При разрастании в публичных инициативах национально-культурных и религиозных организаций российской государственной повестки, не стоит забывать, что у них есть собственные реперные озабоченности и цели. Это:

сохранения языка и культуры, приращение культурного наследия, передача этнокультурных и религиозно-духовных ориентиров следующим поколениям. Они стремятся к единству соответствующей этноконфессиональной группы, к достижению коллективных целей в социальности, экономике, политике. Также важны их целевые возможности в умиротворении и гуманизации общественных настроений; в примирении антагонистов и профилактике конфликтов; формирование чувства защищенности, оптимизма и уверенности. **Особо выделим такой ресурс этнических и религиозных лидеров, как популяризация в этнической и конфессиональной среде решений власти, объяснение целей и задач государства, оправдание действий федеральных, региональных и местных политиков и управленцев, вовлечение этнических и религиозных сородичей в государственно-детерминированную публичную политику на условиях власти.**

Политический класс, используя публичную политику, стремится к применению ресурсов этнической и религиозной идентичностей в адаптации граждан к трансформациям политической системы. В этом плане заданным «сверху» смыслом публичной политики является единство государства и национально-культурных и религиозных институтов в их отношении к политическим и геополитическим вызовам, мировым угрозам.

На этом фоне странными, если не сказать более, представляются отдельные высказывания политиков о необходимости «запрещать диаспоры», предотвращать образование мест территориальной концентрации граждан по этническому признаку, что часто адресовано и гражданами России, которые имеют право жить там, где считают нужным. Такие пассажи откровенно вредят единству народов страны и наносят ущерб государственной национальной политике, как и политике государственно-религиозных отношений РФ.

Актуализация национально-культурного и религиозного аспекта современной российской публичной политики России происходит так как: а) конфликты, гибридные войны, террористические акты часто осуществляются с использованием этноконфессионального фактора; б) радикальные элементы, террористические комбатанты ложно трактуют сюжеты этнической истории, столпы религий и оправдывают ими свои противоправные, антигуманные акции; в) этнические и религиозные идеи, верования и религиозные обряды используются в манипуляциях, фейковых атаках, дезинформации, а также в искажении картины мира; г) этнические и религиозные лидеры в отдельных случаях принимают сторону радикалов и совершают провокационные действия, допускают радикальные заявления. В условиях высокой конфликтности международных отношений роль национально-культурных и религиозных организаций усиливается, их функции диверсифицируются как субъектов гражданского общества, которые имеют возможность и стремление включаться в публичную политику.

В пространстве публичной политики обеспечиваются:

– интересы национального и религиозного большинства и религиозных и этнических меньшинств, малочисленных народов в общем контексте упрочения гражданского единства;

– функционирование национально-культурных и религиозных объединений как субъектов публичного права в системе институтов гражданского права, а также в системе общественных и даже политических отношений;

– сотрудничество органов власти и управления с национально-культурными, религиозными организациями, этническими, конфессиональными советами, домами дружбы, центрами национальных культур, а также с этническими и религиозными лидерами;

– имплементация смыслов гражданского долга, патриотизма, приверженности государству в этнокультурный, этноконфессиональный сегменты публичной политики в общей системе государственно-гражданского взаимодействия.

Выводы. Консервативно-традиционалистский политико-управленческий тренд акцентирует собственно-российские культурные, исторические, ментальные свойства, а также самобытную российскую традицию отношений государства и общества, власти и граждан, что отражается в заданных смыслах публичной политики. Необходимость сохранения и развития таковой как открытого доступного сетевого пространства оправдана с учетом тесной взаимной обусловленности внутренней и внешней политики, тем более что эксцессы геополитического порядка вторгаются во внутренние страновые и региональные процессы.

Ответом на современные вызовы, в том числе, является консервативно-традиционалистский поворот российской политико-управленческой доктрины, а также симптомы «правения» политики, в том числе, и публичной, в которой и «в моменте», и системно прослеживаются новые смыслы. Обратим внимание, что консервативно-традиционалистская доктрина правового вектора элевирует в подсистемах общественной жизни наиболее жизнеспособные, релевантные и достоверные идентификационные активы.

Обращаясь к консерватизму и традиционализму как к симптоматичным свойствам современного российского общественно-политического процесса, власть формулирует «сверху» государственно-смысловые публичной политики и формирует «низовой смысловой ответ».

В комплекс заданных «сверху» и ответных «снизу» смыслов публичной политики в консервативно-традиционалистском контексте «правого оттенка» включаются:

– во-первых, определение баланса безопасности и свободы в условиях современных рисков; поиск оптимального сочетания централизации власти и автономии гражданского общества как третьего сектора; поддержание самостоятельности местного самоуправления; развитие государственно-общественных и государственно-гражданских моделей политико-управленческого прогресса в пределах российской демократии;

– во-вторых, постулирование патриотизма как имманентного свойства, присущего российскому обществу и вместе с тем как национальной идеи и даже государственно-общественной идеологии, которая предусматривает не только

патриотического сознания, но и патриотический тип поведения во благо Родины и государства, отождествление которых происходит в публичном пространстве;

– в-третьих, обращение к российским традиционным духовно-нравственным ценностям через форматирование комплексов этничности и религиозности, прежде всего, как составных свойств полиэтнической и поликонфессиональной российской гражданской нации с акцентированием русскости как суверенного культурного и политического фактор;

– в-четвертых, апелляции государства к гражданскому обществу, в ходе которых общественные объединения (некоммерческие, неправительственные организации) становятся субъектами публичной политики как агенты государственной проблематики, государственных потребностей и дефицитов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гаман-Голутвина О.В.** Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3.
2. **Горбунов Г.Ф., Окладникова Е.А.** Российские культурные коды «справедливость» и «благо/благополучие»: трансформация под воздействием образовательных, экономических и политических факторов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 201.
3. **Кондрашев А.А.** Иностранные агенты в России: как заимствованный американский правовой институт приобрел иной смысл в российском законодательстве и правоприменительной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 4.
4. **Литвиненко В.А.** Россия и мировые проекты развития. Хроники «Большой игры». М.: Изд-во «Вече», 2025.
5. **Мирошниченко И.В.** Сетевая публичная политика // Политология. Новый лексикон. 2-е изд. / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2024.
6. **Миц Д.С.** Антитеррористическая функция государства: поиск новых форм осуществления // Lex russica. 2020. Т. 73. № 2.
7. **Медведев Н.П.** Этнонациональные отношения и политическая стабильность // Национальные и федеративные отношения. 2024. Т. 14. № 5 (110).
8. **Паин Э.А.** Современный российский консерватизм: скрепы и противоречия (на основе контент-анализа Telegram-каналов) // Социологические исследования. 2025. № 4.
9. **Романовская О.В.** Теория сервисного государства и обеспечение национальной безопасности: проблемы соотношения / Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018.
10. **Ростовский М.** Крутой маршрут России // Московский комсомолец. РРЕ. 9-15 октября 2024 г.

11. Семененко И.С. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2023.
12. Филатов А. Выбирая между свободой и безопасностью... страшно даже крокодилам... // Независимая газета. 26.04.2021 г.
13. Харченко Д.С. Свобода и безопасность в правовом государстве: социально-философский анализ // Философские науки. 2017. Ч. 1. № 12 (86).
14. Цыбулевская О.И. Государство и гражданское общество: нравственно-правовой аспект / Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия: сборник научных трудов. Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте России, 2017.
15. Чадаев А. Путин: наши ценности. М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2018.

М.А. ASTVATSATUROVA

Doctor of Political Science, Professor,
Leading Researcher, Distributed Research Center for Interethnic
and Religious Problems, N.N. Miklouho-Maclay Institute
of Ethnology and Anthropology, Russian
Academy of Sciences,
Pyatigorsk, Russia

SOME SET MEANINGS OF RUSSIAN PUBLIC POLICY IN A DOCTRINAL CONSERVATIVE-TRADITIONALIST CONTEXT

This article analyzes the relationship between state and civil society factors in the context of the conservative-traditionalist turn in politics and governance in contemporary Russia. It reveals the determinants of the emerging right-wing vector of the Russian state's domestic strategy and tactics, which are largely a response to contemporary external challenges and risks. It highlights the need to preserve the public policy space as a necessary factor in the evolution of democracy. The article focuses on the problem of the nationalization of civil society institutions within the overall format of public policy and the transformation of civil society actors into agents of state interests. It examines the current meanings of public policy, which are initiated "from above" by the state and are responded to "from below" by civil society. These meanings include: the centralization of power in a new balance of strengthening security and preserving freedom; identification in political and administrative practice; the politicization of spiritual, moral, and ethical categories as imperatives of state-civil relations; and the elevation of the ethnic and religious segment of public policy.

Key words: public policy, civil society, rightward turn, conservative-traditionalist doctrine, patriotism, ethnicity.